

Карина Сарсенова

Жрaнищeли пyти 2

Сердце ангела

Карина Сарсенова

Хранители пути 2. Сердце ангела

«Грифон»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Сарсенова К. Р.

Хранители пути 2. Сердце ангела / К. Р. Сарсенова — «Грифон», 2015

Мировое правительство – что это такое? Миф или тайная реальность, порождающая известный нам мир и законы его существования? Какие силы управляют человечеством на самом деле? Кто каждый из нас – всего лишь жалкая марионетка в руках незримых правителей мира или имеющий собственную силу человек, от выбора которого зависит гибель или процветание всего мира? Как отличить иллюзию от действительности, ложь от истины? Кто и под какой маской живёт в опасной близости рядом с нами и какое влияние оказывают чужаки на нашу психику и здоровье, на мышление и поведение? Где берёт начало седьмая раса и за что идёт настоящая мировая война? Все ответы – в этой книге.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

© Сарсенова К. Р., 2015
© Грифон, 2015

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Карина Сарсенова

Хранители пути 2. Сердце ангела

© Сарсенова К., 2015

* * *

Посвящается моему горячо любимому сыну Ришаду

*Любовь, как истина, свята.
Любовь, как жизнь, драгоценна.
Как испытанье непростя.
Как сердца суть проникновенна.*

*И безмятежна – как мечта.
И как судьба – благословенна.
Как небо – глубиной чиста.
Как Бог – извечна и нетленна.*

Глава 1

Смерть сатаны

Световой взрыв разнёс сатану в клочья тьмы.

Новая Вселенная родилась.

Потеряв сознание, Амадео тут же очнулся в ином качестве самовосприятия. Очевидно, мгновенное отключение явилось точкой перехода из одного состояния в другое. Если бы он был собой прежним, то непременно поразился бы до глубины души – ангелы тоже привыкают к давно, слишком давно неизменному представлению о себе.

Но здесь и сейчас он был совсем не тем, кем привык считать себя последние миллионы лет.

За почти неисчислимое количество земного времени он проходил через множество трансформаций. Его душа менялась снова и снова, поднимаясь по ступеням эволюционной лестницы, уходящей за обозримость всех возможных горизонтов. И всегда он с лёгкостью узнавал себя в новом духовном облике. Однако теперь он оказался неузнаваем даже для себя самого.

Должно быть, в своём подъёме он достиг максимальной высоты.

Мгновение отчуждения от собственной сути закончилось так же внезапно, как и ворвалось в его врата бы давно предсказуемую жизнь. И Амадео не влетел, но был поглощён ощущением неизбывного блаженства – осознанием прежде скрытой от него жизненной мощи своей души.

И остро, как никогда ранее, он чувствовал, что эта его бессмертная суть ему чрезмерно мала и невообразимо велика одновременно. Конечно, ведь он впервые соединил всю полноту личного (ангела) и безличного (Творца) Бытия. И ровно одну секунду по земному времени он пробыл самим Богом.

Но этого мгновения сполна хватило для свершения жизненно необходимых перемен. Перемен, явившихся результатом всех его предыдущих действий. Перемен, повлёкших за собой немислимо грандиозные метаморфозы души и Мироздания.

Да, на одно лишь мгновение ангел стал Богом.

Но...

Пребывая Творцом не дольше мига, душа ангела раскрылась беспредельной вечностью.

И в ней Амадео прожил мириады рождений и исходов, прошёл бессчётное количество циклов, порогов, явился всем и не завершился ничем в абсолютной отдельности. Он рождал бездонные океаны безвременья и превращал их в медленно и быстро текущие реки времени в мирах, заточённых в столь различных и схожих Вселенных.

Он намеренно творил немислимо противоречивые представления о добре и зле, заставляя души метаться между предложенными вариантами судеб, делать ошибки и познавать себя. Он создавал и разрушал вновь и вновь, наполняя сердца миров пульсацией жизни и дыханием смерти. Он был Светом и Тьмой, двумя сторонами одной, сотворимой им же иллюзорной реальности.

Однако Свет неизменно значимо преобладал в основании сотворяемой им действительности – в его сердце.

Но всё же он не был Богом по-настоящему. Он только какое-то время пребывал Им. А всё временное, как известно, неизбежно заканчивается.

Мрачная сторона одновременно его и не его Бытия таяла в восприятии, уходя в глубины вечной памяти. И, притянутый силой её соблазна, вопреки своей воле он последовал за этой

ускользающей тенью, подчинившись странному желанию задержать её. Возвратить на место. Восстановить баланс.

Вернуть утрачиваемую божественную целостность.

Этот импульсивный порыв нарушил показанное ему равновесие идеального Бытия. Тень, завладевшая восприятием, оставила его наедине с его личной полнотой. И, выйдя за пределы ещё не заслуженного Божественного, перестав быть оглушённым его силой и чистотой, вернувшийся в обжитость своих границ, он вспомнил всё.

Дитя, плод невозможного прежде союза ангела и демона, родилось.

Правила изменились.

И он убил сатану.

Убить Самаэля оказалось легче, чем предполагал Амадео.

То, что относилось к категории совершенно невозможного ещё пару земных минут назад, обрело все грани реальности после одного-единственного события. После рождения ребёнка. Существа, чьё появление на свет с волнением ожидало целое Мироздание. Душа, которая, по решению сатаны, не должна была воплотиться в материальном теле. Создание, вышедшее из-под контроля Тьмы, несмотря на своё половинное к ней отношение.

Ребёнок родился сто двадцать секунд назад. И Амадео мгновенно прочувствовал последовавшие за этим рождением изменения. Он не стал терять времени – столь ценного даже в океане безвременья.

Амадео вспоминал, как всё было. Он влился в поток вновь образующихся вибраций, настроил своё намерение и получил то, что хотел. Проник на территорию абсолютной тьмы.

Он опередил Самаэля на долю секунды.

Четверть мига решила судьбу вечности.

Дьявол, высшее существо мрака, конечно же, тоже ощутил изменения, развернувшиеся вслед за рождением необыкновенного ребёнка. Но, будучи косвенным порождением Света, его отражением, Самаэль опоздал. И не успел вторгнуться за границы врага, воспользоваться преимуществом внезапности. Привилегия неожиданности была столь же внезапно захвачена адептом Света. Явившийся в зону абсолютной тьмы ангел безжалостно спутал все карты дьявола и не оставил ему почти ни единого шанса. Но уж за это спасительное «почти» Самаэль успел-таки ухватиться...

Ничто и нигде отныне не будет прежним или хотя бы узнаваемым. Амадео, конечно, прекрасно Знал, что и раньше происходили схватки между Светом и Тьмой. Ангелы испокон веков боролись с демонами. Чаще всего битвы разворачивались в душах людей. Оружием обеих сторон, смертельно опасным и единственно эффективным, был человеческий выбор. Но иногда сражения переносились на гораздо более тонкий план.

И ещё Амадео не сомневался, что итоги битв бывали разными: порой побеждала Тьма, и тогда несколькими материальным мирам приходил конец. Но затем Свет восстанавливался и возводил на руинах более надёжные и усовершенствованные крепости.

Бог непрерывно создавал новые души взамен проигранным.

Амадео Знал, что эти проигрыши были не чем иным, как частью Высшей стратегии, позволяющей Мирозданию эволюционировать. Тьма нуждалась в росте. А Бытие нуждалось в Тьме. Баланс – вот основа любой жизни. Война одной части Бытия против другой... Змея, пожирающая собственный хвост. Битва, идущая по заранее установленным правилам.

Так было.

А теперь всё стало иначе.

Знания устарели. Правила были отменены. Бытие утратило прежний баланс. Требовалось создание иных основ. И написание новых правил.

Амадео вспоминал, что в ушедшие времена победа Света неоднократно знаменовалась рождением новой Вселенной. Целая совокупность миров возникала словно из ниоткуда, порождённая мощным выбросом тонких позитивных энергий. Процесс создания испокон веков был непрерывен и вечен, как сам Создатель. По сути, они ничем не отличались друг от друга.

Новой Вселенной требовалось новое сообщество сознаний, развивающихся с максимальной интенсивностью.

Собрание душ, в которых жизнь пульсировала с особенной силой.

Духовное сердце новорождённых миров.

Бытие Творца есть творение. Бытие сатаны есть смерть.

Нескончаемая жизнь и нескончаемая смерть.

Но теперь, когда правила изменены, баланс оказался нарушен слишком сильно. Итогом явилась гибель самой Смерти.

Один ангел сделал то, на что были не способны все великие воины Света.

Он, средний в иерархии светлых созданий ангел, прервал непрерывность взаимодействия важнейших сил Бытия. Убил дьявола, носившего имя Самаэль. И результатом такой победы Света могло стать рождение не Вселенной... нет, это слишком мелкое следствие его деяния.

А появление нового Мироздания. Беспредельной совокупности бессчётного множества Вселенных. Рождение нового Творца.

И теперь именно он, Амадео, поразивший сердце самой Тьмы, имел все шансы стать новым Богом. Или соединиться с нынешним и править вместе...

Наполнившись осознанием величия выпавшей ему миссии, он приготовился к погружению в собственную блаженную полноту идеального Бытия. Но Оно почему-то всё никак не принимало его в свои объятия...

Тьма была настолько беспросветной, что почти ослепила его. Но ощущение беспомощности восприятия не успело сковать волю к жизни, растворившись в неимоверной по силе вспышке ярчайшего белоснежного сияния. Любовь, накопленная ангелом за миллионы лет безупречного служения Свету, служила теперь ему самому. Выборы сотен тысяч человеческих душ, решивших идти по стезе добра, превратились в сердце ангела в тонкие вибрации любви.

Выбор всего лишь двух душ, но сделанный в правильное время, в критический для земного мира момент, добавлял этой любви особую силу. Две души, плодом любви которых явился этот необыкновенный ребёнок...

И эта обобщённая любовь придала намерению Амадео поистине сокрушительную мощь. Мощь созидательного порыва.

Да, не только намерение разрушения, но и стремление к созиданию может быть оружием.

И данное сверхмощное оружие было вложено именно в его сердце.

Сердце ангела раскрылось в эпицентре абсолютной тьмы. Безвременье Света слилось с безвременьем Мрака. И из этого океана соединённого безвременья родилось оно – мгновение нового времени, общего для всех материальных миров.

Точка нового отсчёта.

Он был уверен, что новорождённое мгновение ляжет в основу совершенно иной реальности. Реальности открывшейся в его сердце Божественности. Новой гармонии. Реальности абсолютного Света.

Но почему-то вместо этого миг, проявившийся из слившихся воедино Света и Тьмы, стал точкой отсчёта для их новой битвы. Такой степени грандиозности, какой Мироздание никогда прежде не Знало...

Свет ворвался в его сознание вспышкой безудержной боли. Казалось бы, он, источник ненависти и хаоса, ужаса и разрушения, жадно пожирающий энергию мучений своих рабов и недругов, должен был бы упиться энергией нахлынувшей в него чудовищной муки. Но страдание, бесконечной бездной раскрывшееся прямо в его тёмном сердце, почему-то не питало, а лишало сил...

Самаэль не успел осознать, что данная боль рождалась не из борьбы личностного эго и вечной души, но из самого Духа. Из небывалой прежде чистоты Света. Из сердца ангела, когда-то победившего Мрак на их общей территории – в пределах человеческих душ.

Когда-то Самаэль проиграл Амадео схватку за творческие ресурсы человека.

И этот паршивый ангел спас земной мир и вмещавшую его Вселенную от порабощения Тьмой.

Тогда они боролись за одну Вселенную.

Но сейчас ставки были невероятно выше.

Сердце ангела наполнилось в результате той победы почти неодолимой силой. Победитель получает трофеи. Трофеем Амадео случилась огромная часть энергии сатаны. И он вполне успешно трансформировал уничтожающие вибрации мрака в созидательную энергию добра.

Внезапно качественно обновлённую мощь Света в результате одной из грандиознейших битв за Вселенную.

И ребёнок, рождение которого изменило все правила...

Свет новой чистоты обладал безжалостностью абсолютного зла и сжигал Тьму слишком быстро.

Дьявол не мог сопротивляться долго.

Сила ангела была почти непреодолима...

И в последнее мгновение своего существования Самаэль железной хваткой умирающего зла вцепился в спасительное «почти». Пусть его сознание навсегда исчезнет из Мироздания. Но энергия Тьмы сохранится, переживёт это ужасающее страдание, порождённое сияющим блаженством ангельского духа, и ответит на нанесённый удар.

Погибая в Свете, который изливался из глубин ангельского сердца, Самаэль успел запечатлеть в нём своё отражение. Смутное, но постоянно присутствующее в душе ангела беспокойство – посмертную ухмылку сатаны.

Тьма навалилась на него со всех сторон и сдавила, как давит глубоководного ныряльщика многотонная масса океанской воды. Как лёгкие человека, сопротивляясь атаке подводного давления, сжимаются до размера кулака, так и Амадео, сдавливаемый Тьмой, чувствовал, как превращается в ничто. Вытесняется из собственных границ. Перестает быть. Уходит вглубь ненасытного зла, подчиняясь его намерению к безостановочному насыщению...

К присвоению...

К слиянию с Бытием через его разрушение...

Но он давно перерос все свои границы. Пределы, бывшие привычностью раньше, ныне существовали лишь в его вечной памяти. В памяти его бессмертной души. Души, напоенной столь ярким и чистым светом, что в нём без следа таяла реальность всех прежних форм и представлений...

Так что же ему терять, кроме отражения в чужом сознании отблика собственной памяти?

Ибо ангельская суть такого уровня, которого достиг он, практически неуничтожима.

Амадео вынырнул на поверхность своего сознания, несомый сметающей все памятные пределы световой волной. Он собирался направить её ударную силу по продолжавшей сжимать его Тьме, но вдруг осознал, что не управляет её движением. И когда он задал вопрос, кто же ведёт окрыляющую его силу, то мгновенно слился с её сияющим потоком, закрутился вместе

с ним в огненно-белый вихрь, съёжился в едва различимую светящуюся точку и бесшумно погрузился в самый эпицентр своей души.

В её раскрывающееся сердце.

Амадео Знал, что уровней раскрытия духовного сердца – огромное множество. Но не ожидал перепрыгнуть сразу через полторы тысячи пролётов эволюционной лестницы и оказаться так высоко. И более того, осознать: именно здесь ему и положено находиться.

Вслед за этим пониманием пришла непреложная уверенность в своих действиях.

Здесь и сейчас он был средоточием невероятного количества высококачественной духовной энергии. А подобно всякой силе, она стремилась захватить как можно больше сопредельных с ней территорий. Он должен был превратить в самого себя всё, что его окружало, что не являлось им. И чем явственнее было отличие между его душой и перекликающейся с ней действительностью, тем более мощной становилась потребность этой силы.

Потребность в Высшем Бытии.

Полностью слившись с самим собой в чертогах своей божественной сути, он позволил ей вести себя и дальше. И хотя и пребывал в её эпицентре, был ошеломлён силой собственного потенциала.

Раскрытие духовного сердца произошло внезапно, как в условиях любой войны и подбает происходить всему действительно важному. Да, Амадео Знал, что важнейшие этапы эволюции преодолеваются в весьма жёстких условиях.

А что может быть жёстче прямой схватки с дьяволом, происходящей к тому же на его территории?

То, что наверняка стоило бы жизни любому ангелу, стало выигрышной диспозицией для Амадео. Потому что, только пребывая в сердцевине владений Тьмы, можно было нанести удар по истоку её небытийного бытия.

Зло яростно сопротивлялось, вгрызаясь чёрными щупальцами множества разрушительных импульсов в пульсирующее в нём сияние. Крохотная капля белоснежного света, душа Амадео, отвечала на эти мерзкие прикосновения нарастающим сиянием. И наконец резонанс между двумя сторонами бытия достиг апогея.

Небытие света сжималось вокруг ангела, стремясь добраться до самой его сердцевины и поглотить. Сожрать без остатка. Сделать этот надоедливый и страшно дискомфортный источник добра своей сутью. Своей территорией. Своей добычей. Превратить его в бытие Тьмы.

Амадео тоже хотел только одного – жить. Жить Светом. Быть Светом. Пребывать везде и быть всем. Быть Творцом. Его отражением и Его властью. Его силой и Его намерением. И быть собой.

И как только он, прочувствовав всю беспощадность сдавившего его беспросветного мрака, чётко и ясно осознал своё собственное намерение, тут же стал его воплощением. И Тьма вокруг тоже стала им. Ровно за тот срок, в какой укладывается один удар новорождённого человеческого сердца. Впервые за миллионы лет Амадео умер и снова родился.

В абсолютной Тьме.

Белоснежное сияние с переливами тёплого золота заполняло всё. Всё пространство, какое был способен воспринять Амадео. Неописуемый покой волнами голубоватой благодати исходил словно со всех сторон одновременно – это духовное сердце ангела пульсировало и жило.

Амадео, находясь в центре себя самого, мог с удивительной лёгкостью наблюдать себя же со стороны. Знание приходило к нему непрерывным потоком. Он Знал, что сейчас перейдёт на новую, одну из высших эволюционную ступень. Сейчас он трансформирует поглощённую энергию Тьмы в абсолютный Свет. Сейчас он действительно станет Творцом. И познает Его вечное созидательное блаженство.

И он действительно стал Им. Почти стал. Продержался в божественном состоянии одно мгновение...

Почти преодолел свою ограниченность...

Почти...

Но полноценная трансформация в Создателя, которая заполнила бы окружающую его бездну безвременья, всё не приходила. Его бытие, его раскрывшееся сердце продолжало пульсировать, откликаясь на поступающие в него вибрации Знания. Но постепенно их поток, такой широкий и полноводный вначале, стал мельчать и слабеть. Замедляющиеся вместе с ним ритмы высшего бытия угасали, растворяясь в проступающих на них тенях. А затем из них же появилось оно.

Лицо его заклятого врага.

И его смертоносная ухмылка.

Глава 2

Возврат к истокам

Рождаться в умирающем теле – задача крайне неприятная. Ощувив свою душу вновь закованной в границы человеческой плоти, Амадео всё понял.

И тут же принял.

Сколько лет прошло с момента его последнего воплощения на Земле! В общем-то не так уж много. Но отчего же тогда это новое воплощение произошло значительно позже предыдущего? Его возвращают в условия когда-то прожитой на Земле жизни? Но почему именно в те условия и в ту жизнь?

Он чувствовал упругое сопротивление земного потока реки времени. Значит, он вернулся туда, где всё можно начать сначала. А разве возможность начать сначала не олицетворяет собой истинное рождение? Пусть даже и ценой собственной физической смерти.

Проживать момент отделения души от тела он не любил никогда.

Но если надо – значит, надо.

Время вернулось назад и тут же опять двинулось вперёд.

Переживаемое вновь – оно совсем иное при своём повторе.

Итак, словно сказал кто-то со стороны, поехали.

Боль вошла в его сердце внезапно, как пробуждение от кошмара. Он всегда хотел умереть во сне. Его желание сбылось.

Он не успел открыть глаза. Но это было не нужно – смотрел он теперь совсем в другую сторону, в себя самого. Захваченный огненным вихрем невыносимой муки, он растворился в ней, слился с ней и полетел в бездонную пустоту. Но, как ни странно, соединившись с пожирающим его страданием, он не перестал существовать, а напротив, стал ещё явственнее. Ещё живее. Ещё осознаннее. И ощущение не падения, но высокоскоростного подъёма в обступившей его беспросветной мгле наполняло убитое вроде бы сердце неизъяснимой радостью. Или ему только показалось, что он умер?

Нет, он действительно умер. Но отчего же эта смерть несла не забвение себя, а прояснение, не распад, но обретение, не страх, но вдохновение?

– Потому что ты хорошо прожил свою жизнь. Ту, которая была сейчас прервана. – Голос, уверенный и умиротворённый, влился в сознание и словно стал его неотъемлемой частью. Чувство невероятной с ним близости снизошло на умершего волной гармонизирующего покоя. И когда его сознание стало таким же благостным, как и сознание вошедшего в него голоса, он полностью пришёл в себя. Память огромным морем пережитых эмоций, чувств, мыслей, решений и действий плескалась прямо в его сердце. Оказывается, оно неубиваемо, его духовное сердце. И оказывается, именно в нём и сосредотачивалась вся его вечная жизнь.

– Посмотри на себя со стороны. – Мягкий приказ подтолкнул его ожившую волю.

Море накопленного опыта слегка взволновалось, пошло сначала рябью, а затем и волнами. Одна из них, самая крупная, неожиданно ещё больше выросла и девятым валом обрушилась на его внутренний взгляд. Погрузившись в глубину нахлынувшего впечатления, он вынырнул на поверхность совершенно иного пространства.

Приглушённый свет был накинут на комнату золотистым покрывалом. Огромные свечи у камина догорали, заплетая свои янтарные отблески в красное мерцание вяло дотлевающих углей. Предутренняя прохлада просачивалась сквозь плотно занавешенные окна, надёжно отделяя королевские покои от извечно угрожающего им внешнего мира. Но и их оберегание, равно как и защита прекрасно подготовленных стражей вокруг спальни, оказалось не слишком действенным средством предотвратить грядущее...

Три чёрные фигуры проявились прямым из подступающего к телу холода. Он крикнул, чтобы предупредить лежащего в кровати мужчину о надвигающейся опасности, но спящий не проснулся. Лишь язычки жёлтого свечного пламени взметнулись, вспугнутые его сильным, но безуспешным намерением.

Холод, породивший пришельцев, стал ещё сильнее и внезапно материализовался в равнодушный стальной блеск в руках одного из них, другого, третьего... И когда нож вошёл в грудь слишком крепко уснувшего мужчины, он закричал не вместе с ним, а вместо него. Потому что тот, кому предназначался удар, умер мгновенно. И потому что он, смотревший на убиваемое тело с высоты пятиметрового потолка, прочувствовал всю боль за него. Ведь он один мог её воспринять. Ведь он один жил в этом теле долгие, но столь быстро пролетевшие годы.

Женщина, лежавшая рядом с ним, умерла на мгновение позже. Но, в отличие от него, она проснулась на секунду раньше, чем стальной клинок пронзил её сердце. Как и он, она не издала ни звука. Но причина её молчания была иной. Если он умер, так и не осознав наступившей его участи, то она за последний отпущенный ей сознательный миг поняла и приняла свою судьбу. Она умерла, глядя ему в глаза. Потому что за мгновение до смертельного удара её душа уже летела к его душе.

Вместе они смотрели на парящее напротив удивительное существо. Огромные белоснежные крылья были неподвижны, но жили уникальной внутренней жизнью. Переливающиеся в них оттенки голубого и розового цветов излучали одновременно блаженство и непоколебимую силу.

– Вы прожили хорошую совместную жизнь. – До боли близкий голос изливался из ангельского сияния и без усилий проникал в сердца внимающих ему людей. – Но это последнее ваше единение. Отныне каждый пойдёт своей дорогой. Поблагодарите друг друга и попрощайтесь.

Её глаза, всегда наполненные тёплым светом, сейчас, после исхода души из тела, светились особенно ярко.

– Спасибо за всё, что сделал для меня! За любовь и помощь, за искренность и надежду...

– За поддержку и понимание, за верность и дружбу! – Его голос вторил её словам, умножая и разворачивая вложенное в них значение. Свет, исходящий из их глаз, волной разливался по комнате. И ничего из того, что было вокруг них, – ни оставленная роскошь, ни покинутые тела, ни утраченная власть – ничто сейчас не имело значения. Только любовь и благодарность жили в их сознаниях и позволяли чувствовать себя по-настоящему живыми.

– Прощание закончено, – изрёк ангел, и тотчас её душа влетела в его сияющие крылья и исчезла в них. Ласковый, но непреодолимый свет остановил его выработанное за земную жизнь желание последовать за ней.

– Она ушла в рай. Но тебе туда нельзя.

– Значит, мне в абсолютную тьму?

– Её больше не существует. Ты Знаешь. По крайней мере, её нет в том виде, в каком мы привыкли её воспринимать.

– Но где же мне тогда быть?

– Есть лишь одно место, где ты можешь быть, – ты сам.

– Но я больше не чувствую себя.

– Так и есть. Тебя больше нет. В том смысле, в каком ты привык себя воспринимать.

– Но тогда что я? Где я?

– Хороший вопрос. Заметь: не два вопроса, а один. Один из них – настоящий вопрос. Ответ именно на него является ключом к спасению.

– Спасению чего?

– Я рад, что вибрации Тьмы не поразили тебя целиком. Ты проиграл, Амадео. Твоё сознание снова ограничено. И оно слишком часто находит себя в рамках обычного человеческого эго.

- Что же мне делать?
- Это зависит от того, какую сторону своего нового бытия ты выберешь точкой отсчёта.
- Человеческую или ангельскую?
- Нет. Ангельскую или дьявольскую.

Свет отделился от него так внезапно, что Амадео вскрикнул от ужаса, ощутив, что теряет самое ценное в своей жизни.

- Я готов к борьбе.
- К ней никто никогда не готов, – возразил ангел, вновь приблизившись к Амадео. – Но, невзирая на твою неготовность, ты просто обязан вступить в войну.
- Самаэль...
- Ты же Знаешь, что его больше нет. Найди того, в ком здесь и сейчас гнездится абсолютное зло.
- Шалкар...
- Он теперь вовсе не таков, каким был прежде.
- Но я не чувствую его, учитель.
- Конечно, нет, ведь никогда доселе ты не был с ним так близок.
- И что же мне делать, чтобы найти и обезвредить его?
- Для этого, Амадео, тебе необходимо отделить себя самого от затаившегося в тебе сатаны.

– Ты вернёшься в начало. В ту точку отсчёта, откуда происходит твой проигрыш. В эпицентр земной войны. В те события, которые спустя годы отразились в сражении между тобой и Самаэлем. Туда, где ты впервые потерял себя. Там, где Свет растворился во Тьме. Там ты создашь основы новой духовной структуры земной цивилизации. Или не создашь. Тогда Вселенная будет утрачена навсегда. Единственное поле битвы, доступное тебе и Шалкару, отныне – только человеческий мир. Человеческие души и те сознания, которые помогают им развиваться. И вмещающие эти души тела. И так будет до тех пор, пока ты не обретёшь себя снова или не потеряешь окончательно. До тех пор, пока судьба Света, Тьмы и Мироздания в целом не будет окончательно решена. И до тех пор, пока ты снова не вспомнишь меня. Или не забудешь навсегда.

– Да, учитель.

И образ Иеремиила исчез за плотной серой завесой, скрывшей от Амадео его же вечную память.

Духовный учитель...

Самое близкое каждой душе, а ангельской особенно, по-настоящему родное существо...

А сейчас далёкое и чужое, словно вскользь услышанный и тут же забытый, торопливо рассказанный чей-то неправдоподобный сон...

Он с трудом разлепил тяжёлые веки и бессмысленным, невидящим взором уставился на громоздкие грязно-серые тучи, квинтэссенцией угрюмости нависшие над столь не любимым им городом.

Резкий смех полоснул сонную душу обжигающим электрическим разрядом.

Он дёрнулся, переживая удар звуковой молнии, и инстинктивно зажмурился, стараясь защититься от слишком яркого, слишком пронзительного принесённого ею света. Играя в прятки с самим собой и окружающей реальностью, продолжал упорно созерцать окружавшее его голубовато-розовое сияние. Но оно постепенно уплывало из сознания, отпуская фокус его внимания.

Несколько раз сморгнув, он сосредоточился наконец на внешнем мире.

Миловидная невысокая женщина залиvisto смеялась, стоя у полуотпахнутого огромного окна. Сумрачные портьеры цвета свежесмолотого кофе с тяжёлой основательностью спускались с высокого потолка на бежевый деревянный пол, напоминая двух закованных в доспехи стражников, скрывающихся в тени. Тени, готовые в любое мгновение сомкнуться перед потоком льющегося в окно жизненного тепла...

Стражники между Светом и его отсутствием...

Проводники добра и зла...

Сознания, соединяющие два беспощадно противоречивых мира...

Два взгляда на одно и то же Мироздание...

Мысли влетели в его дремоту бесшумным роем мотыльков-однодневок – хрупких, недолговечных, неуловимых... И тут же рассеялись, вспугнутые новым взрывом безудержно живого веселья.

Солнечный свет струился по её пухлой ладной фигурке. Протягивая к окну руку, эта сплетённая из солнечных лучей земная фея держала что-то в раскрытой ладони.

– Посмотри. – Уловив его пробуждение, она бросила в сторону игривый взгляд. – До чего смешная белка! Не понимает, это же стекло!

Продолжая хохотать, она манила беспомощно тыкающегося в окно пушистого зверька желанным лакомством.

– Софья... – Самое важное из всех слов – человеческое имя – выплыло из пространства вне фокуса его сознания. Обернувшись, женщина с радостным возгласом подбежала к кровати. – Ты проснулся, любимый... – Покрывая горячими поцелуями его лицо, она дышала сладким ванильным ароматом.

– Ты моя драгоценность! – Поглаживая роскошные светлые локоны, рассыпавшиеся по её покатым плечам, он наслаждался разлившейся внутри сердца неизбыточной нежностью. И тут же, почувствовав её чужеродность, неожиданно сильно сжал прильнувшую к нему белую руку.

– Ай! – Чуть отстранившись, женщина с изумлением вглядывалась в его глаза. – Ты что? Больно ведь!

– А... Прости... Не знаю, что на меня нашло... – Воспользовавшись образовавшейся паузой, он аккуратно вывернулся из обнимающих его рук и поднялся с постели. Пушистый ворс ласково защекотал голые ступни. Растерянно оглянувшись, он встретился взглядом с молчаливо созерцавшей его растрёпанной красавицей.

– Франц, что с тобой? Нездоровится? Я приглашу доктора!

Вскочив на ноги, женщина побежала к темнеющей в дальнем конце комнаты широкой двери.

– Не стоит. – Поймав её за руку, он осторожно привлёк незнакомую Софью к себе. Равнодушные, царствовавшие в его душе, мгновенно низвергло в глубины подсознания волну поднимающейся из них горячей страсти.

«Да что же это такое, чёрт побери?» – мысленно пробормотал он, сбитый с толку своими противоречивыми эмоциями. Чувство, что он давно и близко знаком с тревожно глядевшей на него женщиной, и одновременно полное её незнание рвали на части сознание, заводя в тупик.

Выпустив руку знакомой незнакомки, он с удовольствием прошёлся по ласкающему ноги ковровому шёлку к тускло мерцающему зеркалу на дальней стене. Что-то неудержимо его влекло к этому закованному в роскошную раму куску отражающего реальность стекла...

Через десять секунд перепуганная красавица, стоя на коленях возле распростёртого на полу мужского тела, пронзительно кричала, зовя на помощь.

– Ты думал, что всё будет так же легко, как пообещал тебе твой пернатый друг с куриными мозгами? – Голос, исходивший отовсюду из обступившей его тьмы, был невероятно, невысказанно неприятен. Словно гниющая плоть всего мира вдруг обрела способность говорить... – Ты не справился один раз и провалишь всё снова! Никто не сможет остановить меня и предотвратить неминуемое. Никто – ни твои жалкие покровители, ни тем более ты, ничтожное отродье человечества! Никчёмность, не сумевшая проявить себя нигде! Но если хочешь доставить этому миру побольше страданий и привести его к заслуженному концу – тогда действуй! Ибо ни на что другое, кроме самораспада и уничтожения окружающей действительности, ты не способен! А я буду сопровождать тебя повсюду и свидетельствовать твой заслуженный позор! И, клянусь твоей бесполезной душой, ты ещё не раз пожалеешь, что встал у меня на пути!

Тьма отпустила его столь же внезапно, как и окружила. Открыв глаза, он судорожно вздохнул. Вонь исчезла, сменившись знакомым ароматом свежих булочек. Склонившаяся над ним бледная красавица смотрела из пелены застывших в её взгляде слёз.

А в них, в этих прозрачных каплях душевной влаги, квинтэссенции человеческого страдания, он созерцал отражение улыбки, больше похожей на хищный оскал.

Ледяные иглы жгучей боли впились под враз онемевшую кожу.

Автоматически он встряхнул крыльями, чтобы сбросить адское наваждение. Но обжигающие иглы не исчезли, продолжая буравить его тело.

Бросив взгляд через плечо, он увидел лишь кусок смятой белой простыни.

Какие, к чёрту, крылья могут быть у него, обычного человека? Но откуда тогда взялась эта уверенность, пусть и секундная, однако поражающая своей нестигаемостью, в том, что крылья у него есть? Или когда-то были... А если их нет, почему же его донимает ноющая ломота над прижатыми к постели лопатками?

– Ничего страшного, жить будет. – Весёлый мужской голос ярким солнечным лучом заплескал в воскресшем сознании. Простоволосая женщина, с трудом сдерживая рвущуюся наружу боль, чуть заметно кивнула.

Он последовал за лучом неожиданного света и увидел низенького полнокровного бодрячка, собирающего в увесистый чемоданчик медицинские инструменты. Почувствовав его взгляд, мужчина поднял голову и приветливо улыбнулся.

– Ваше высочество, не смею вас больше задерживать. Проблемка ваша такая мизерная, что её вовсе нет. Вам не следует слишком резко вставать с постели. Проснулись, полежите маленько. Все мы знаем, вы человек очень деятельный, но, во имя страны, коей вы скоро должны будете управлять, поберегите себя!

Закинув в чемодан последнюю железку, врач поклонился и жизнерадостным колом выкатился из комнаты.

– Похоже, он один не боится меня и даже любит! – Закончив фразу, он тут же осознал её чужеродность.

– А почему он должен меня бояться? Меня и так все любят! – мгновенно возразил он своему внутреннему оппоненту, неведомо каким образом, но имеющему отчетливый внешний голос.

– Что я несу? – почти тотчас согласился тот, и он сразу понял, что это был обманный маневр. – И правда, я дурак. Врачишка наверняка сербский шпион.

– Какой шпион? – Сбитый с толку, он, тем не менее, продолжал отстаивать свою точку зрения, лишь в ней находя безопасное чувство единения с самим собой. – У меня очень сильная разведка. Все вражеские проникновения под контролем.

– Врач – шпион. Его надо уничтожить, – не унимался невидимый оппонент.

– Нет! Он мой подданный. Честный подданный.

– Софья!

– Софья!

Два возгласа, почти одновременно вырвавшиеся из одного горла, как ни странно, ничуть не напугали обладательницу этого имени. Накрыв лоб мятущегося на кровати мужчины полной мягкой ладонью, она примирительно промолвила:

– Франц, дорогой, успокойся. Всё хорошо. Ты же знаешь, эти последствия туберкулеза, который покалечил твою душу, не смертельны. Приступ надо просто пережить, полежать. Ты сможешь. Ты очень сильный человек.

– Я сильный. – Два голоса в одном ответе сплелись так тесно, что ей показалось, будто приступ прошёл.

– Хотя раньше не было заметно, чтобы ты мыслил о себе в двух лицах... – сочувственно глядя мужа по щеке, Софья обречённо вздохнула.

Когда дверь за ней закрылась, он встал с кровати и быстро, пока страх не заполнил душу, подошёл к зеркалу. Затаив дыхание, он увидел там то, что и ожидал увидеть. Из стеклянной глади на него пристально смотрели два человека. Один, очевидно, тот, кого называли Францем, – дальний знакомец. Несколько раз они встречались на деловых обедах и балах. Другой – известный до мельчайшей чёточки. Ещё бы, ведь это был он сам. Но только вот почему, когда он хотел поднять руку, рука поднималась не у него, а у Франца? Если он улыбался, губы растягивались не у него, а у Франца... Когда он приседал, менял позу не он сам, но Франц... Почему же этот отдалённо знакомый человек, не друг и не враг, вдруг стал ему столь близким? Почему душа его, Александра, убитого короля Сербии, поселилась именно в это тело?

Только выражать свою волю в словах они могли оба. Но Александр предчувствовал – это было ненадолго.

– Эрцгерцог, я всегда восхищался вашей проницательностью! – Мягкий голос полковника фон Ааренау действовал лучше любого успокоительного. Верный друг, возможно, единственное надёжное плечо во всей империи – Александр чувствовал это очень ясно, столь сильно было дружеское отношение души Франца к сидящему напротив человеку. – Вы бесконечно правы, сменив систему тактических ходов именно сейчас! Мир, находящийся на краю войны, может быть спасён!

– Какое мне дело до всего мира! – Пытающийся восстановить правление в собственном теле Франц обдавал потеснившую его душу откровенной яростью.

– Разумеется, никакого! – Умение сочетать дипломатичность с жестокостью, крайне редкое для военного качество, наделяло полковника мастерством гениального манипулятора. Блестящий стратег на поле боя и, что гораздо важнее, в политических играх, он построил все свои победы на поле одного выигранного сражения – на прирученной лестью душе эрцгерцога. Но, как известно, самый грандиозный триумф может обернуться не менее масштабным провалом...

– Только Австрия! И её новые границы! – прижав к груди костлявые руки, Брош по-собачьи преданными глазами смотрел на своего хозяина.

– Я изменяю программу объединения Австрии и Венгрии. Поступательность, постепенность и ненасильственность – отныне таков наш лозунг! – Выпятив подбородок, Александр в теле эрцгерцога прямо уставился на елозившего под его взглядом полковника. Какой неприятный тип! Но, как чуял он исходившие от души Франца эмоции, очень нужный человек. Александр довольно улыбнулся – вместе с растущей способностью прочитывать душу соперника сила того уменьшалась. С каждым произнесённым словом Александр наполнялся ощущением полноты жизни. Своей, чужой – не имело никакого значения. Главное было – решить поставленную перед ним задачу. Её убитый король Сербии осознавал необычайно хорошо. – Мы избежим этой бойни. Войны не будет ни в нашем государстве, ни в Европе.

Сердце колотилось в груди так сильно, что было больно дышать. Боль разливалась по телу, но он не обращал на неё внимания – его сознание было сконцентрировано на единственном желании – выжить.

Тьма вокруг была абсолютно живой. И она была всюду. Не она застилала лес, по которому он бежал, но деревья вырастали из тьмы, вылеплялись из колышущегося повсюду зловонного мрака. Вонь была столь невыносима, что лишь с невероятным усилием он делал новый вдох. Жажда жизни была сильнее темноты, страха и вони. И поэтому он дышал. И бежал.

Мгла тоже дышала. Но её дыхание было противоестественно всякой жизни. Спазмы панического ужаса стискивали душу и тело в ответ на дыхание тьмы. На каждом вдохе она пыталась высосать из него оставшееся сознание. На каждом выдохе она порождала невероятно омерзительных чудовищ. Его чудовищ. Нет ничего ужаснее поднявшихся из глубины души страхов.

Монстры бежали следом за ним. След в след, ведомые запахом его страха. Он знал, что пытаться убежать от них – пустое дело. Но желание выжить было сильнее любых доводов. С каждым его шагом они становились ближе. Ближе становились разлагающиеся тела убитых врагами им любимых людей, горящие развалины знакомых с детства домов, покрытые прахом родные улицы и парки...

Он сделал уже столько шагов, что уже не различал, где бьётся его сердце, а где пульсирует чудовищное бытие. И когда он пересёк свою персональную, невидимую, но прекрасно ощущаемую финишную черту, они настигли его. В последний момент он понял, в чём заключался их замысел – они загнали его в логово его личной тьмы. В его страх. В его ненависть. В его заблуждения. А он-то думал, что сумеет сбежать от самого себя. Как водится, понимание пришло слишком поздно. И тотчас ускользнуло из распадающегося сознания, оставляя его на растерзание тьмы. И, как всякому загнанному зверю, ему оставался лишь один путь – нападение.

Он развернулся и кинулся на них. Казалось, они оценили его смелость. Испугались. А может быть, просто решили потешиться. Пока они отступали, он снова почувствовал свободу. Свободу выбора. Свободу быть человеком. Отчаяние придаёт сил – иногда настоящих, а порой и ложных. Он выбрал самое омерзительное из чудовищ. И пошёл в атаку. Он ожидал, что схватка закончится быстро. Но не предполагал, что настолько. Так быстро, что он не успел даже осознать момент своей гибели. Однако боли он не почувствовал. Он просто провалился во мрак. Или стал им. Но теперь он не боялся. И это было самое главное.

Он ненавидел кошмары с детства. Ну почему они снились ему всю жизнь? Правда, помогала молитва, дурные сны отступали на неделю-полторы. Однако сейчас молиться совсем не хотелось. Напротив, мысли о Боге раздражали и вселяли необъяснимую ярость. Да и зачем нужен Бог, если он сам прекрасно знал, что надо делать. То, ради чего он родился на этот свет. Ради единственной возможной благой цели. Ради своего отечества. Он с радостью отдаст свою жизнь за то, что любил больше всего на свете. Тем более что жить ему, умирающему от туберкулёза, оставалось недолго...

Уже неделю он отражался в зеркале один. Франц исчез, но движения его души по-прежнему ощущались на периферии сознания. Однако признаки жизни соперника Александра не беспокоили: он добился превосходства в своём внутреннем мире, теперь предстояло одержать победу в мире внешнем. Что там говорила ему абсолютная тьма в первый день его нахождения в чужом теле? Он почти забыл те пропахшие гнилым мясом лживые слова... Все его усилия, всё внимание было сосредоточено сейчас на главном деле нынешней жизни – на предотвращении войны.

Кое-что из эмоционального и ментального багажа поверженной души оказалось полезным. Например, безумное стремление эрцгерцога к власти. Александр посмеивался над этой одержимостью, считая, что настоящие правители никогда не зацикливаются на идее собственного могущества. Зачем доказывать очевидное? И потом, власть облагает ответственностью. Как жаль, что элементарное правило расплаты и оплаты слишком часто игнорировалось властью имущими людьми!

Но любая слабость имеет в своём истоке силу. Чем значительнее слабость, тем больше сила. Зная это, Александр нашёл способ применения недюжинной энергии соперника. Он направлял её в сложные ситуации, легко пробивая защиту оппонентов и врагов. Да, он практически питался ресурсами побеждённой души. Каждый глоток её энергии прибавлял ему чувства самодостаточности и мощи. Изменения духа были столь впечатляющи, что отражались на состоянии тела. Однажды утром Софья, теперь уже его жена, с удивлением заметила, что Франц (он давно привык откликаться на это имя) стал непохож на самого себя. Принеся в кровать крошечное серебряное зеркальце, она предложила ему самому в этом удостовериться. Заглянув в него, он испытал невероятное облегчение: нет ничего приятнее возвращения в свой прежний облик. Нет, черты лица и строение тела оставались не его, но Франца. А вот глаза, вернее, их выражение и цвет кардинальным образом изменились.

Нынешним утром он посмотрел в зеркало опять. Его глаза на лице Франца Фердинанда светились осознанием близкого завершения данной ему миссии. Сегодня он поедет на открытие музея в Сараево. Но это была официальная версия его визита. На самом деле ему предстояло подписать сначала тайный договор с правящей верхушкой государства. С военной верхушкой. С теми, кто решал многое, да что там – почти всё. И от этого договора зависела судьба всей Европы...

Грохнуло так, что машину едва не выбросило с мостовой. Но опытный шофёр справился и вывел их из зоны бедствия. Александр, наученный питаться чужими энергетическими выбросами, тут же воспользовался предоставленной возможностью. Энергия разрушения, яростной волной атаковавшая автомобиль, была уловлена и проглочена его жаждущей постоянной подпитки душой. Ведь это так трудно – жить в одном теле с сопротивляющимся тебе другим сознанием! Не просто жить, но и решать поставленную перед тобой задачу!

Мрачная энергия чужой смерти и боли наполнила душу. Не замечая её изменившейся окраски, Александр упивался ощущением переполнявшего его могущества. В ответ на духовные процессы тело выбросило в кровь ударную дозу адреналина. Горячей струёй жгучая смесь азарта и гнева, драйва и ненависти разлилась по жилам.

– На площадь! В ратушу!

Острая боль пронзила руку. Резко повернувшись, он упёрся взглядом в полные слез глаза Софьи.

– Может быть...

– Не может! – Выдернув ладонь из её пальцев, с раздражением растёр свою зудящую после впившихся в неё ногтей кожу.

– Я говорил, что всё будет хорошо. – Усевшись на кожаное сиденье, он с ласковым упрёком посмотрел на скорбно застывшую рядом с ним женщину. Такой чужой она не казалась ему никогда. Всё-таки она никогда не была его женой. Надо признать, он просто ею пользовался, как и всем, что принадлежало Францу. Но разве могло быть иначе в его положении? Хотя, наверное, ему стоило попытаться её полюбить...

– Дорогой, мне кажется, мы едем не в том направлении... – Слабый голос Софьи коснулся его ликующей души. Ещё пару часов, и он поставит свою подпись под столь необходимым для многих стран документом!

– Мы едем туда, куда нужно. – Сухой тон его ответа ударил её, словно хлыст. Вздвогнув, она снова взяла его за руку.

– У меня дурное предчувствие. Любимый, пожалуйста, давай отложим эту встречу.

Он досадливо поморщился, передёрнув плечами. Умоляющие интонации с недавних пор вызывали у него глухое раздражение.

– Пожалуйста... – Сжимая его пальцы, она продолжала жалобно канючить. – Ну почему ты так сильно изменился в последнее время... Франц, ведь ты был раньше совсем другим. Ты любил меня...

Франц... Слабак и недотёпа. Помешанный на власти и страдающий манией величия кретин... Конечно – кого он мог любить, кроме этой простушки. Скользнув краем глаза по согбенному силуэту, Александр недовольно надул губы. И почему там, наверху, выбрали именно этих бестолковых людей ему в навязанных соседей?

– Франц...

– Мы и вправду не туда едем. Заплутали. – Сдвинув фуражку, шофёр озадаченно почесал в затылке. – Простите, выше высочество. Нервы ни к чёрту.

– Так разворачивайтесь! – прервав начавшуюся словесную канитель, рявкнул Александр. Нет ничего хуже, чем иметь дело со слюнтяями и истериками!

Узкая улочка не оставляла места для быстрого маневра. Нетерпеливо барабанив пальцами по кожаному сиденью, Александр с растущим раздражением наблюдал за вялыми движениями шофёра. Что с ним случилось, чёрт побери? Где он растерял весь свой профессионализм и сноровку?

Возникшая потребность всегда удовлетворяется, но не всякий раз подходящим для человека способом. Время, замедлившееся в его личном пространстве, вдруг набрало небывалую скорость в окружающем мире. Он не сразу осознал происходящие изменения, хотя воспринял их без промедления.

Сначала всё окутала ледяная мгла. Колочие холодные иглы впились в кожу, словно она и не была прикрыта несколькими слоями одежды. Тень, внезапно обрушившаяся на город, мгновенно поглотила его и столь же быстро отступила, не дав возможности осознать масштабность своего присутствия. Однако глаза уже привыкли к ней. Быстро, слишком быстро... Слепящий солнечный свет резанул по сетчатке. Александр зажмурился, но сразу же открыл глаза снова, привлечённый спасительно тёмным пятном. Оно возникло прямо перед ним – так близко, что мгновение он думал, будто окончательно ослеп.

Но он всё прекрасно видел. Пятно густой зловещей мглы проступало из рассеянного в воздухе света, подчёркиваясь и усугубляясь им. Несмотря на свои небольшие размеры, оно казалось бездонным и безразмерным. Словно зачарованный, Александр созерцал подступающую к нему тьму, испытывая от визуального контакта с ней какое-то странное удовольствие. Его взгляд, погружённый во мрак, не видел ничего. И эта неспособность воспринимать была отчего-то сладостной и манящей...

Хриплый кашель заставил его вздрогнуть. Сидевшая рядом женщина с трудом глотала воздух. И только увидев её мучения, Александр ощутил омерзительную вонь, разлившуюся повсюду. И когда он снова повернулся к тёмному пятну, он увидел его. Силуэт своей смерти.

Обжигающая горячая боль пронзила шею, смешалась с вытекающей из неё кровью и залила бьющееся в судороге тело. Последнее, что он услышал, был предсмертный крик по-прежнему любившей его женщины. Последнее, что он увидел, были чёрные глаза в упор смотревшего на него мужчины. Поражённый застывшим в них выражением равнодушия, он вошёл в окутавший его белоснежный свет.

Она опять требовала развода. Нет, ну почему он не послушался тогда совета отца и всё-таки женился на дочери этого полуграмотного фермера? Неужели не было ясно,

что яблоко от яблони недалеко падает? Эх, наивная в упрямстве молодость... Лишь бы настоять на своём... Лишь бы прочувствовать свою личность...

– Сэр, вы идёте? – Навязчивый и фамильярный от распирающего его нетерпения секретарь в который раз заглянул в комнату. Ну сколько можно подгонять! Однако принципы дипломатии надо соблюдать везде, особенно – в своём кабинете.

Вздыхнув, Ллойд Джордж поднялся из-за стола. Сегодняшний день обещал быть крайне важным в истории вверенного ему государства. Сегодня он проложит Англии куда более длинный и широкий путь в светлое будущее. Никто, кроме него, не понимал, что войну прекращать ещё рано. Но ставить свою подпись уже пора.

Он потратил долгие годы своей жизни, чтобы наполнить казну и поднять престиж собранного им правительства. Своего имени. Своей страны. Он, единственно выдающийся на сей день премьер-министр Великобритании, убедил всех, что войну следует прекратить. И именно по этой причине ему удастся пустить дело вспять. Никто не усомнился в его искренности тогда, не усомнится и сейчас. Ллойд Джордж самодовольно ухмыльнулся. Ему действительно нет равных в проницательности и подковёрной игре! Да разве они, эти горе-политики, видят дальше своего носа? Разве они могут обозреть всё игровое поле, отличить скрытых козырей от пыжащихся пешек, рассчитать преимущества друзей и врагов на десять шагов вперёд? Да они даже толком не понимают, кого привлекать в союзники, а против кого сражаться. Проедатели казённых денег! Один он, Ллойд, может не транжирить, но умножать богатства страны!

Сегодня он повернёт историю вспять и войдёт в её анналы несокрушимым памятником английского могущества! Потирая вспотевшие от сдерживаемого волнения ладони, он направился к двери, но в двух шагах от неё остановился, прерванный в движении вполне естественной в данном случае мыслью. Нельзя появляться на публике, не приведя себя в порядок! Пройдя через кабинет, министр вошел в личную уборную. Склонившись над раковиной, он не спеша, тщательно умылся. Прохладная вода долгожданной благодатью заструилась по усам. Вынув из кармана костяную расчёску, мужчина поднял лицо к висевшему на стене овальному зеркалу.

На шум и грохот, щедро заполнившие уборную, кабинет и прихожую, вбежал испуганный секретарь. С перекошенным от ужаса лицом он кинулся к шефу, скрючившемуся на полу под грудой битого стекла. Полосуя руки острыми осколками, не обращая внимания на сочившуюся из ран кровь и боль, юноша самозабвенно раскапывал сверкающий курган.

– Господи! Вы живы?

В следующее после «эксгумации» мгновение он со священным страхом рассматривал ничуть не поврежденное лицо премьер-министра. Открыв глаза, тот внимательным и долгим взглядом созерцал своего спасителя.

– Вы... В порядке? Доктора? – осознавая ненужность последнего, на всякий случай предложил служащий.

– Нам нужно спешить. Подписание конвенции не терпит отлагательств.

– Как подписание? Какой конвенции? – Голос секретаря сорвался на жалобный писк. – Вы же говорили, что война должна продолжаться?

– Неважно, что я говорил. Забудьте это. – Металлические нотки в голосе премьер-министра пригвоздили язык несчастного клерка к нёбу.

– Но вы... – с трудом откашлявшись, вымолвил верный помощник Ллойда Джорджа. – А что с вашим голосом? Сэр. Вам нужен доктор! Осколок стекла явно попал вам в горло и повредил связки! Вы говорите не своим голосом!

– Не нужен мне врач, – подняв с пола крупный кусок разбитого зеркала, произнёс глава правительства. Он улыбнулся, созерцая родные ему цвет и выражение чужих глаз. – Я в полном порядке. Просто следуй за мной.

– Люди никогда не будут жить в мире! Это я тебе обещаю, жалкий кусок человеческих отходов! – Голос, наполненный ужасающим смрадом, вился за ним чёрным дымным хвостом. Но Александр не боялся его. Он знал: всё, что довелось и доведется ему испытать, будет во благо его душе. Потому что она служит Свету. Потому что он искренне любит людей. И потому что теперь он окончательно понял своё предназначение.

Новая смерть была похожа на сон. Выйдя из временно его, а по сути чужого тела, Амадео сразу же погрузился в туман смутно знакомых, расплывающихся перед взором образов.

Один из неясных силуэтов, вроде как виденный ранее, выступил вперёд.

Голос гулким эхом запульсировал в глубинах его души, все ещё оглушённой расставанием с физической оболочкой.

От силуэта исходило чувство надежды и сдерживаемой радости.

Безликий и безымянный собеседник проигнорировал невнятные просьбы Александра оставить его в соседстве с душой английского премьер-министра до конца дней их общего тела.

Насыщенность пережитого опыта иногда чрезмерно привязывает вечное сознание к бренности данного ему вместилища.

– Ты выполнил свою миссию, он выполняет свою. Ты взял слишком много его энергии, и ему суждено умереть от энергетического истощения, от рака. Но не вини себя – ты действовал во благо всего человечества. К тому же твоё присутствие, а особенно дружба с душой Джорджа позволили ей подняться на новую эволюционную высоту. Твоя задача выполнена. Ты остановил стремительную разрушающую мощь зла. Но выиграно лишь одно сражение. Теперь тебе предстоит выбрать: идти в рай и наслаждаться невечным, но всё же покоем, или бороться за власть Света снова и опять. Помни: сейчас ничто не является постоянным. Даже вечность.

Ему не понадобилось ни секунды на раздумье. Он давно знал ответ, рождённый из выбора его сердца.

– Я остаюсь активно служить Свету.

Другого выбора у него не было. Ведь теперь он снова стал ангелом.

Отныне он обладал возможностью самостоятельно видеть необходимость следующего воплощения.

Огромный шаг вперёд на пути его эволюционного роста!

Боевые ангелы, такие как он, сражались в телах обычных людей. Они должны были быть неотличимыми от мира, чтобы победить скопившееся в нем зло. Любой ангел Знал: Тьма не бывает пассивной никогда.

Он смотрел на себя в зеркало и улыбался тому единственному материальному, что отражало постигшее это тело духовное изменение, – своим глазам. Он привык перевоплощаться, но иногда параметры тела приводили его в некоторое замешательство. Требовалось время, чтобы привыкнуть к новым габаритам.

– Господин премьер-министр!

Развернувшись на зов, он едва не упал. Удержав равновесие, через плечо подмигнул отражённому в зеркале грузному человеку. С его душой, очень сильной и независимой, ему придётся налаживать особые отношения.

– У нас появилась проблема! – Голос помощника звучал взволнованным фальцетом. – Нам объявили войну. Как хорошо поступил ваш предшественник, что проложил нам дорожку к сердцу России! Наверное, вместе мы сумеем одолеть нашего общего врага!

Тяжело ступая, он автоматически пожёвывал привычно болтающуюся во рту сигару и чуть заметно кивал, про себя усмехаясь человеческой наивности. Этот враг не был общим врагом. Это был его персональный враг. Тьма – так же, как и он, успешно воплощающаяся в избранных ею людях. Даже в нескольких одновременно. И поэтому она всякий раз имела имя.

И он знал точное имя одного из своих нынешних врагов.
Один из сильнейших адептов Тьмы.
Гитлер.

Боже мой, сколько путей предстоит ему пройти!
Хотя чаще всего то, в чём уверен, и есть настоящее заблуждение.
Между воплощениями, когда душа пребывала в тонком плане, отблики вечной памяти касались его сознания.

Чувство правильности пути укреплялось после каждой новой смерти и ярко проявлялось перед следующим рождением в теле, уже обладавшем душой.

Душой, которую нужно было покорять власти Света.

Амадео свято верил, что цепочка из взаимосвязанных жизней сильнейших личностей в период мировых войн, в которую оказалась включённой его душа, является дорогой к спасению Вселенной, его самого и главное – гарантом жизни его ребёнка.

Что в сражениях с врагом, опухолью зла засевшим в великих душах, продавшихся его посулам, в битвах, ведущихся в материальных телах, и заключается вся война.

Что смерть закольцована пределами грубо материального земного мира.

Что неоткуда ждать подкрепления Свету и Тьме.

Что их противостояние надо понимать буквально.

Но судьба имеет свойство меняться в один миг.

И этот миг, конечно же, случился.

Чтобы обвалить изношенные стены готового к прорыву сознания.

Чтобы Свет и Тьма схватились по-настоящему близко, проявив весь свой потенциал.

Чтобы судьба Мироздания решилась бесповоротно.

Глава 3

Крылья тьмы

Дьявол отродясь не умел создавать.

Так как же ему, ничтожному демону, что-либо сотворить? Каким образом получалось это у Самаэля? Что за Знание было ведомо сатане и оставалось сокрытым от его вынужденного правопреемника, Шалкара?

Однако же, он размышлял.

Правопреемник...

Скорее уж – стопроцентный раб, избранный абсолютной тьмой для продолжения своего существования. Разрушительного существования... Где же подглядеть, подсмотреть, подслушать хоть что-либо о величайшей тайне Самаэля – о его истинных взаимоотношениях со Светом. Ведь без вмешательства одного дьявол не способен даже элементарно поддержать образ самого себя. А не то что созидать.

Но Самаэль вроде что-то созидал.

Но вот что он созидал?

Ответ пришёл из серо-бурого тумана, тихо клубящегося под самым дном сознания.

Иллюзии...

Будучи живым, сатана говорил о создании иллюзий. Вернее, о снятии копий с однажды сотворённого Светом образца.

Словно изнутри шалкаровской души Самаэль шептал о необходимом искажении этих новых форм действительности. О подмене их сутевой наполненности. О замещении энергий Света, заложенных в основу всякой формы, на вибрации тьмы.

Об обмане.

Значит, Самаэль всё же не созидал. Он использовал чужие творения.

Плагиатил.

Клонировал.

Копировал.

Вносил в истинную реальность фантомы, наполненные тёмной энергией.

И тем самым бесконечно преумножал в мире повторы самого себя.

Сатана – мастер самоповтора.

Обмана столь тонкого, так хорошо подогнанного под духовные нужды людей, что отличить подделку от оригинала с каждым земным годом становилось всё затруднительнее.

Всё ненужное.

Человек не любит напрягаться, прилагать усилия не то чтобы к самопознанию, но даже к простому бытовому выживанию. Принятие оригинала в свою жизнь, следование его сути и форме всегда нелегко. А подделка стоит дешевле: надо предпринимать заметно меньше усилий на её адаптацию под свои привычки и потребности.

Мир пестрит копиями, безымянными шаблонами для множества других шаблонов.

Оригинал никогда не будет шаблоном. Потому что движущая сила его бытия – творческая энергия, исток всего действительно нового в мире. Всего светлого и стимулирующего к познанию и саморазвитию.

Лень – основная причина деградации личности.

Ещё бы, ведь суть, рождённая Светом, заставляет человека увидеть присущие ему недостатки и тщетность мирских желаний. Принуждает задрать голову и пристально всматриваться за горизонты собственной души. Приучает жить по-человечески, с поднятой к небу головой.

А суть, подменённая дьяволом, нацеливает внимание на то, что всегда под рукой, к чему легче обратить взор и до чего проще дотянуться, – на худшие качества личности, находящиеся прямо у неё под ногами.

И человек тратит жизнь на бессмысленную погоню за отражёнными в лужах звёздами – вместо того, чтобы вдохновляться их высокой красотой.

Споткнуться о разбросанные под ногами камни проще простого, если голова витает в облаках.

Шалкар усмехнулся.

Ему чрезвычайно нравилась эта иллюзия, запущенная в мир его хозяином.

Почему же она вспомнилась ему сейчас? Вглядевшись в глубины своей тёмной души, демон вздрогнул, увидев в её сердцевине, прямо над неслышно колышущимся в духовном подполье туманом, пятно могильно-чёрного мрака.

Вдруг вырвавшаяся из него багровая вспышка ещё больше напугала, но вместе с тем странным образом обнадёжила.

Сосредоточившись на заполняющей нутро абсолютной Тьме, Шалкар несмело улыбнулся, принимая посмертное благословение своего хозяина.

Самаэль был мёртв, но присутствие этого непревзойдённого мастера обмана в душе демона вовсе не было иллюзорным. Его ухмылка, явившаяся средоточием вселенского зла, посмертной маской сатаны была наложена на душу Шалкара. И лишь от него одного зависело, сможет ли он выбраться из-под чужой личины, явив Мирозданию образ нового сатаны, или же погибнет под ней, раздавленный не былой мощью её хозяина, но собственной слабостью.

Да, создание как процесс сотворения новой формы для него невозможен. И он далеко не мастер по клонированию. Однако в его распоряжении имеется ценнейший ресурс – наследство предыдущего повелителя Тьмы.

Идеи.

Ложные представления о добре и зле, оставленные в сознаниях заражённых ими людей предыдущим повелителем разрушения.

Мысли и желания, медленно угасающие в связи с гибелью Самаэля.

Шалкар встрепенулся, почувствовав поток новой силы, чёрной кровью разбегающейся по каналам его души.

Одобрение хозяина.

Его явное присутствие.

Но он же умер?!

Как же тогда?..

Или его отражение сохраняет в себе силу оригинала?

Навсегда или на время?

Но копия никогда не сравняется в живучести с оригиналом...

Ледяной озноб тут же впился в самое уязвимое место его сердца. Подавив крик, демон ухмыльнулся, довольный полученным уроком. Ужас перед живой мощью погибшего сатаны сплёлся в нём с уважением к своим возможностям.

Даже после смерти своего сознания Самаэль имел над ним, бывшим рабом, огромную власть. Но он, Шалкар, был наделён властью подмять его под себя и самому стать абсолютным мраком. Кем ему была дана такая власть? Конечно же, погибающим дьяволом.

Шалкар снова ухмыльнулся, ещё шире. Надо же, и у высшего создания мрака имелось слабое место! Желание жить любой ценой, пусть даже в виде иллюзии, памяти в сердце бывшего раба. И только что Шалкар получил подтверждение этой слабости. Самаэль, отражённый в его душе, вёл его по пути зла, указывая на слабые места самого Шалкара.

Сомнения.

Страх.

Да, Шалкар сомневался в своих силах.

И боялся утратить всякое сознание, растаяв туманным облаком в ярких лучах возрождающегося Света...

Он выиграл множество битв, хотя гораздо больше проиграл. Но не это было важным, а то, что он до сих пор жив. И он избран Самаэлем для главной битвы его судьбы.

Это значит – именно он, демон Шалкар, обладает достаточным для всех нужных побед потенциалом.

Тёмной силой.

Её высоким качеством.

Способностью к тотальному разрушению.

И что вовсе было невообразимо, но одновременно реально: зла в его известном и понятном доселе обличье больше не было.

От Самаэля осталась не живая суть, но лишь скопище отражений – оболочек, заполнить которые сможет отныне единственно главный носитель мрака. Он, Шалкар. С момента гибели сатаны только он сохранил сознание. И теперь не Самаэль будет захватывать демона, но демон наполнит своей живой силой оболочку дьявола и станет им. Совершенно новым злом, тем, которого ещё не знало Мироздание.

Конечно, он, Шалкар, преодолеет пожирающие его изнутри сомнения и страх. Превратит врагов в союзников. Вложит силу побеждённых слабостей в иллюзии, оставленные ему Самаэлем. Укрепит их новой силой. Запрограммирует мотивы. Прочертит штрихи действий. Соединит тропинки многочисленных тёмных судеб в один широкий путь зла. Сотрёт все различия между душами. И станет единственно реально существующим сознанием вообще, без разделения его на противоборствующие полюса добра и зла.

Сознанием абсолютной и всевластной Тьмы.

Глава 4

Союз неравных

«Мировое правительство существовало задолго до возникновения человечества. Не до той совокупности душ и судеб, представляющих его сейчас, а до первого необходимого способа оформить путь развивающегося через карму сознания...»

Чей-то величественный в монументальном спокойствии голос рассказывал ему удивительные вещи...

Знакомые и неизвестные одновременно...

Этот голос приходил к нему во сне, а особенно чётко звучал на пороге между сном и пробуждением...

Как будто пытался помочь ему пробудиться по-настоящему...

Он слышал этот голос очень-очень давно...

С самого момента своего рождения...

Истинного рождения...

И прежде чем он начинал слышать голос, ему снилось, будто он летит через сияющее ослепительным светом бесконечное пространство... Белоснежные крылья широко простираются за его спиной... Сильные и надёжные, как и направляющий их полёт таинственный голос...

Пробуждаясь, он чувствовал, как белое сияние струится внутри и вовне его тела...

И огненным шаром собирается в груди, заставляя сердце то останавливаться на несколько мгновений, то биться увереннее и ровнее...

И в этот миг Знание о том, что он гораздо больше, чем просто человек, буквально разрывало физическую оболочку на части.

Так кто же он на самом деле?

Во сне Амадео всматривался в себя, вновь проживая времена миллионлетней давности.

И снова восхищался безупречной красотой Высшего плана, пролегающего через неисчислимую для простого смертного множественность событий.

Всё, что бы ни происходило, оказывалось наитончайшим образом встроено в систему общего развития Мироздания. Ангел с полуулыбкой понимания созерцал холодную дрожь смертельных угроз, то и дело нависающих над духовными горизонтами Бытия. Даже эти ужасные войны мирозданческого масштаба, чей исход мог в мгновение ока уничтожить всё сущее, были запланированы.

Отрежиссированы и мастерски отыграны.

Амадео почтительно замер, благоговей перед непобедимой мощью Света. И тут же внутренне сжался от зашевелившихся в душе сомнений: почему же тогда он, ангел достаточно высокого порядка, всякий раз поддавался панике и отчаянию перед очередным образом восставшего против истинного Бытия Сатаны?

Сомнения...

Даже смерть главного носителя мрака не уничтожила их. И наоборот, где-то укрепило. Или же это была тревога, предчувствие набирающего силу нового, пока неведомого врага?

Пробуждаясь, Амадео зачарованно смотрел в растущий в груди огненный шар. Он вибрировал, отражая накатывающие на него ледяные волны.

Да, он чувствовал силу приближающегося к его владениям скрытого зла.

Но откуда оно приближалось?

Он снова всмотрелся в доступные ему истоки, в надежде найти в них ответы и опору. Но, кроме себя и отчётливого ощущения Вездесущего Творца, никого в них не увидел. Ни одного союзника, ни единого носителя Света.

Неужели он остался один?

Но с кем же он должен был быть?

Или он всегда являлся единственным?

Странно, но осознание своего одиночества давало и силу, и слабость. Возможно ли, чтобы все его соратники погибли, сражаясь вместе с ним против Сатаны? Если так, то защитить мироздание от угрозы вновь оживающего зла сможет только он. Только его духовное сердце способно собрать достаточное количество тончайших энергий любви и дать отпор поднимающемуся из неизвестных глубин таинственному мраку.

Всплеск радостного тепла неожиданной лаской заискрился в ангельской душе.

Амадео жадно впитал энергию подсказки, пришедшей из глубины его же духовной сути. Сколь непознаваема тайна сознания даже для ангела!

Так он когда-то был ангелом? Или не был?

Два сознания, две памяти жили в нём одновременной, параллельной жизнью.

Но Амадео чувствовал: где-то обе линии судьбы должны пересечься.

Слиться в единое целое.

В его истинную суть.

Образы земных воплощений то смешивались с образами тонкого плана, то разделялись почти непреодолимой бездной...

Почти...

Одно Амадео Знал наверняка.

Он не был одинок.

Отражение его вечной памяти, последовательность некоторых Знаний была с ним. И именно в этих истоках он чувствовал, что найдет ответы на все мучающие его вопросы. Снова раскроет сердце. И тогда в яркости обретенного Света рассеются сомнения и тревоги. И он найдёт новый путь для Мироздания.

Для Вселенной.

Для себя.

Для своего ребёнка.

Но он никак не ожидал, что всё произойдет таким образом. И столь быстро.

Хоть и во сне.

Ему снился один и тот же сон.

Вот уже целых тридцать ночей Амадео с нежностью всматривался в проступающие перед ним лица. Из сна в сон они проявлялись с ошеломительно предсказуемой последовательностью. И с каждым сном он всё легче вспоминал их обладателей.

Все они были людьми, завершающими своё развитие на Земле и готовящимися к выходу за пределы материальной воплощённости.

Блаженство растущего осознания расшивало его душу тонкими золотыми нитями. Он Знал их природу и предназначение. Нити соединяли души друг с другом в единый конгломерат adeptов Света. Разделённость людей являлась не более чем иллюзией, порождённой вынужденностью их физических границ. На духовном плане они, обладая индивидуальным осознанием, были явственной целостностью Бытия.

Воплощённой вечностью души.

Высшим и абсолютно полным Знанием Творца.

Но каждый из них владел лишь одной частью Знания. И каждый трактовал получаемые энергии Знания по-своему.

Именно поэтому эти люди, приблизительно схожие уровнем развития души и вместе с тем отличные друг от друга, избирались ангелами для реализации Высшего плана на Земле. Конечно, ангелы тоже воплощались в человеческие и иные земные тела – в меру необходимости, задаваемой эволюцией мира и обитающих в нём существ. Ангелы были исполнителями высшего звена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.